

DOI: 10.22363/2312-8127-2017-9-2-169-183

«ТАТАРСКАЯ МОСКОВИЯ»: КУЛЬТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Ф.А. Асадуллин

Институт Востоковедения РАН
ул. Рождественка, 12, Москва, Россия, 107031

В статье исследуется влияние Золотой Орды на различные аспекты жизни русских княжеств. Автор обращает внимание, что одним из главных принципов строительства Московского государства стали этническая и религиозная терпимость. Хану Узбеку принадлежит особая роль в содействии возвышению Москвы как церковной столицы формирующегося Русского государства. Выданный митрополиту Феогносту в 1326 г. ханский ярлык послужил толчком становления в Москве православной духовной традиции и многовековой деятельности первосвященников Русской Православной Церкви.

После смуты в Золотой Орде в середине XIV столетия усиливается интенсивность ордынской миграции в Москву. Из числа татарской аристократии формировался особый социальный слой служилых татар, которые через обряд крещения и постепенно ассимилируясь с русским этносом вливались в состав московского населения. Сильное влияние ордынского начала мы находим в организации военного дела, фискальной системы, ямской (транспортной) службы, делопроизводства и дипломатического протокола, некоторых поведенческих стереотипах, деталях быта и одежды, царских регалиях. Кроме того, в статье указывается на богатство московской топонимики, имеющей тюркское или арабское происхождение.

В послеордынский период ислам и связанный с ним образ жизни еще продолжительное время прямо и косвенно играли заметную роль в жизни столицы и всего Московского государства, которое после падения Византии в 1453 г. и образования Османской империи оказалось в окружении мусульманских государств. Этот фактор во многом предопределил формирование внешнеполитических приоритетов государства.

Ключевые слова: мусульманская община Москвы, татарская община, ислам, православие, Золотая Орда

Введение. Завоевание в середине XIII в. Владимирского и других княжеств Северо-Восточной Руси Золотой Ордой (или по собственному названию – Улус Джучи) открыло новый период в истории формирующегося Российского государства, который по классификации выдающегося русского мыслителя Н.А. Бердяева (род Бердяевых происходит от тюркского имени Берди, т.е. «подаренный») получил название «татарского» [1].

Золотая Орда, основным этническим субстратом которой были тюркоязычные степные народности (преимущественно кипчаки), представляла собой развитое и передовое для своего времени государство, границы которого простирались от Каспия до Новгорода. Преемники Чингис-хана (ум. 1227 г.), его сын Джучи, а затем Батый, которого сменили Берке и Узбек, заняли место византийских императоров в иерархии русских геополитических представлений: титулом «царь» на Руси стали именовать ханов Золотой Орды [2. С. 164]. Начало этой традиции было положено владимирским князем Александром Невским (1221–1263), который сделал ставку на союзнические отношения с сарайскими ханами. Тюрко-славянское двоемирие, воплощенное в личности Александра Невского, – следствие его воспитания в Золотой Орде, где состоялось его братание с сыном хана Батыя Сартаком. Именно из рук Сартака он получил ярлык на великое княжение Владимирское. Эти обстоятельства вводили его как пасынка ордынского хана в ближайший круг сарайских царедворцев. Именно в «татарский период», в 70-х гг. XIII в., Московское княжество выделилось в самостоятельное: его получил в наследство младший сын Александра Невского Даниил (1261–1303), родоначальник московской княжеской династии. Одновременно начинается постепенное превращение Москвы из удельного города в центр Северо-Восточной Руси, жители которого считались подданными ханов. По известной оценке Н.М. Карамзина, потомка одного из ногайских родов «черного Мурзы», «Москва обязана своим величием ханам» [3. С. 429].

Чтобы понять истинный смысл этих слов, необходимо вспомнить, с каким общественно-политическим «багажом» подошла Русь к новому историческому рубежу: за период с середины XI по начало XIII вв., чуть менее века, а именно: 80 лет прошло в череде кровавых междоусобиц удельных князей за великокняжеский престол, за право называться великим князем. «В крамолах княжеских век человечий сокращался, – читаем мы в “Слове о полку Игореве”. – Тогда по Русской земле редко пахари покрикивали, но часто вороны граяли, трупы себе деля» [4. С. 37].

Исследование проблемы. Включение Северо-Восточной Руси в состав Золотой Орды если и не остановило эти распри (взаимные интриги, например, московских и тверских князей продолжались еще долго, вплоть до XV в.), то, по крайней мере, обуздало, как отмечает Э.С. Кульпин, «деградацию нравов и массовое безумие», царившие в домонгольской Руси [5. С. 21, 22].

Ярким свидетельством включенности Руси в общую экономическую и финансовую систему Золотой Орды являются пришедшие в русский язык разными путями татарские заимствования: алтын, деньги, казна/казначей, магарыч, батрак, ямщик, таможня, маклак в значении посредник при купле-продаже, кабала в значении заемного документа и т.д. и т.п., о происхождении которых сегодня уже никто не задумывается.

Не идеализируя Орду, представлявшую собой типичный образец восточной средневековой деспотии со всеми вытекающими из этого последствиями

(феодалный гнет, грабительская эксплуатация, политическая и социальная нестабильность и проч.), а также осознавая всю сложность для русского сознания феномена монгольского нашествия (что оставляет для ученых постоянную возможность рассуждений об упущенной исторической альтернативе, например, полицентричного развития Руси), отметим, что именно в это время были заложены все необходимые предпосылки (единственно возможные в то время) образования будущего российского государства, центром которого стала Москва.

С установлением отношений вассальной зависимости между Сараем, где располагался высший апелляционный орган Орды, и Русью роль удельных князей стала заключаться прежде всего в собирании различных налогов – ясака (дани), тамги (торговой пошлины), сусуна и улуфа (корма и питья), конака (гостевой пошлины, дара), кулуш-колтка (чрезвычайного сбора по требованию хана), хараджа (подушный и поземельный налог). Больше других в этом преуспели сыновья первого московского князя Даниила Юрий (1281–1325) и сменивший его Иван (1282–1340), прозванный Калитой. В реалиях того времени тюркское слово «калта» означало небольшую поясную денежную суму. Это совпало с окончательной победой в Орде исламской партии во главе с «наиболее выдающимся ханом XIII в.» Узбеком (1312) [6. С. 77] и закрепления начатого Берке курса на исламизацию не только властной элиты, но и общественной жизни улуса в целом.

Претензиям князя Юрия на право быть приближенным к Орде, откуда он вернулся в 1317 г. после четырехлетнего пребывания, во многом помог династический брак с сестрой хана Узбека Кончакой (в крещении Агафьей), благодаря чему он был удостоен великокняжеского ярлыка – особой инвеституры на владение владимирским великокняжеским престолом. Вместе с князем в Москву прибыл высокопоставленный ордынский военачальник Кавгадый с войском, в котором было много татар. По мнению В.А. Кучкина, Кавгадый являлся ханским наместником Булгара [7. С. 50].

Характеризуя деятельность Ивана Калиты, академик Л.В. Черепнин писал: «...Этот князь жестоко подавлял те стихийные народные движения, которые подрывали основы господства Орды над Русью. Жестоко расправляясь со своими противниками из числа других русских князей, Калита добился значительного усиления могущества Московского княжества, а это содействовало процессу государственной централизации» [8. С. 512–513].

В этих новых исторических обстоятельствах одними из главных принципов строительства московского государства стали этническая и религиозная терпимость. «В Москве подбор служилых людей осуществлялся исключительно по деловым качествам, – пишет Л.Н. Гумилев. – Калита и его наследники принимали на службу и татар, и православных литовцев, и простых русских людей, все богатство которых заключалось в коне да сабле» [2. С. 179].

В этой связи важно обратить внимание на находки в Кремле в ходе археологических раскопок летом 2007 г. в Тайницком саду двух берестяных грамот.

Одна из них имеет прямое отношение к кремлевскому жителю по имени Тураб или Турабей, жившему на рубеже XIV–XV вв. Она содержит описание его имущества.

По мнению главного археолога Кремля Т. Пановой, Турабей мог быть крещеным татаринном [9], хотя, на взгляд автора, в свете усиления роли исламского фактора в жизни улуса того времени перемены веры могло и не быть. Терпимость в вопросах веры в то время была под двойным контролем как со стороны ордынских ханов, так следовавших в фарватере ордынской политики московских князей, которым (как «верным улусникам» – так себя именовал Иван Калита) важно было сохранить свое привилегированное положение и благожелательность со стороны татарских сюзеренов. К этому надо добавить, как считает дореволюционный историк В.Г. Тизенгаузен, «монголы» (татары) были частично христианами, а частично мусульманами» [10. С. 306]. Крещение как обязательное условие поступления на московскую службу было узаконено позднее, с упадком Орды и постепенным нивелированием исламского фактора в жизни Московского царства.

По мнению известного исследователя Р.Г. Ланды, «парадоксальным образом укрепление ислама в Орде сопровождалось укреплением православия на Руси» [11. С. 43], что способствовало воспроизводству основанных на нем традиционных социокультурных структур. Ислам, если вспомнить его основополагающие богословские принципы, предполагает терпимое отношение к «людям Писания» («ахлюль-китаб») – христианам и иудеям при условии их политической лояльности и уплаты подушной подати – «джизьи», которая в сознании ордынских улемов могла трансформироваться в форму регулярно собираемой дани или могла стать ее религиозным обоснованием. К тому же чингизиды-мусульмане в проводимой ими государственной политике не могли не знать об известном исламском установлении «нет принуждения в религии» (Коран, 2:256), что также служило гарантией неприкосновенности христианского населения Москвы. Даже в более поздние времена, когда заработал механизм тотальной христианизации татарского населения, естественное стремление остаться в лоне своей веры вызвало к жизни распространенную в средневековом исламе практику «ат-такийя» («благоразумное сокрытие своей веры», позволяющая верующему в случае опасности или угрозы для его жизни формально отказываться от своих убеждений). Следствием этого стало образование особой группы крещеного татарского населения – «криптомусульман», которые внешне, согласно навязанному религиозному выбору, были христианами, но на самом деле тайно, следуя исконной духовной традиции, исповедовали ислам (1).

О значении исламской духовной традиции в жизни средневековой России говорит и то, что вплоть до начала XVIII в. на посланиях московских государей мусульманским правителям был по-арабски начертан коранический фрагмент «би-инайати-Рабби-л-аламин» – «милостью Владыки миров» [12. С. 254, 256].

Хану Узбеку принадлежит особая роль в содействии возвышению Москвы как церковной столицы формировавшегося Русского государства. Выданный митрополиту Феогносту в 1326 г. ханский ярлык послужил толчком становления в Москве православной духовной традиции и многовековой деятельности первосвященников Русской Православной Церкви. «Одним из достопамятных следствий татарского господства над Россиею, – писал Н.М. Карамзин, – было еще возвышение нашего духовенства, размножение монахов и церковных имений. Политика ханов, утесняя народ и князей, покровительствовала церкви и ее служителям; изъявляла особенное к ним благоволение; ласкала митрополитов и епископов, снисходительно внимала их смиренным молениям и часто, из уважения к пастырям, прелагала гнев на милость к пастве. Хань под смертною казнию запрещали своим подданным грабить, тревожить монастыри, обогащаемые вкладами, имением движимым и недвижимым. Владения церковные, свободные от налогов ордынских и княжеских, благоденствовали, народ жаловался на скудость, а иноки богатели» [13. С. 429].

«Величие ханов», которое отмечал Карамзин, подразумевало их веротерпимость – явление совершенно нетипичное, скажем, для средневековой Европы, где царствовали мрачные времена католической инквизиции. Принцип «*cuius regio elus religio*» – «кто владеет страной, тот определяет религию», распространенный в средневековой Европе, в Улусе действовал очень условно. Защищая религиозные интересы всех своих подданных, Орда не стремилась к прозелитизму и тем более, как мы уже отмечали, к конфессиональной унификации на основе исламского вероучения, за которым в период правления самого могущественного ордынского хана Узбека (1312–1342) были закреплены prerogative государственной религии. Известный церковный историк и богослов Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский (1816–1882), в своем фундаментальном труде «История русской церкви» не раз подчеркивает эти особенности правления ордынских ханов и приводит показательный для того времени документ.

«Все чины православной церкви и все монахи, – читаем в указе хана Узбека, – подлежат лишь суду православного митрополита, а не чиновников Орды и не княжескому суду. Тот, кто ограбит духовное лицо, должен заплатить втрое. Кто осмелится издеваться над православной верой или оскорблять церковь, монастырь, часовню – тот подлежит смерти без различия, русский он или монгол. Да чувствует себя русское духовенство свободными слугами Бога!» [14. С. 414].

Отдельная страница ордынского присутствия в Москве связана с событиями так называемой «великой замятни» – смуты в Золотой Орде, которая началась после смерти последнего из ее могущественных правителей хана Бердибека в 1359 г. и закончилась падением Большой Орды в 1502 г.

Если до второй половины XV в. присутствие в Москве представителей «алтан уруг» («золотого рода») – Чингизидов было эпизодическим (за ис-

ключением потомства Тохтамыша), то к концу XV в., после образования Казанского ханства (1438 г.), выезд в Москву свергнутых татарских ханов или непризнанных царевичей и их многочисленной родни – детей и жен из Казани, Крыма, Ногайской Орды и Сибирского ханства – приобрел устойчивый и постоянный характер.

Интенсивность ордынской миграции в Москву при Иване III и особенно Иване IV Грозном поражает воображение, насчитывая несколько сотен персоналий татарской знати [15. С. 484]. Из числа татарской аристократии – мурз, биев, огланов, эмиров и свергнутых ханов – формировался особый социальный слой служилых татар, которые через обряд крещения и постепенно ассимилируясь с русским этносом, вливались как в состав московского городского населения, так и получали в пользование («кормление») такие близлежащие города, как Серпухов, Кашира, Звенигород, Руза. «Государство московское, обязанное при тогдашних обстоятельствах честить и содержать всех этих заезжих гостей, – пишет В.В. Вельяминов-Зернов, – придумало для своего облегчения раздавать им города в удел или в кормление» [16. С. 13].

В этом смысле очень показательна судьба князей Юсуповых, которые ведут свое начало от ногайского бия Юсуфа, умершего в 1555 г. На власть в Ногайской Орде претендовали два сына покойного – Иль-мурза и Ибрагим-мурза, а также их дядя Исмаил. Победа Ибрагима вынудила братьев отправиться в 1563 г. в Москву. Иван Грозный дал братьям в кормление город Романов с уездом (ныне г. Тутаев Ярославской обл.). После восшествия на престол династии Романовых потомки Юсуфа, получив при крещении русские имена и фамилию Юсуповых, сохранили княжеский титул и оказались в числе избранного круга приближенных царя в Москве, а затем императора в Санкт-Петербурге.

Не менее интересна родословная Ростопчиных. О татарском происхождении графа Федора Ростопчина (1765–1826), который в период нашествия французов на Россию был московским генерал-губернатором, повествует такой исторический анекдот. «Как-то император Павел спросил графа:

– Ведь Ростопчины татарского происхождения?

– Точно так, государь, – ответил Ростопчин.

– Как же вы не князья? – уточнил он свой вопрос.

– А потому, что предок мой переселился в Россию зимою. Именитым татарам-пришельцам летним цари жаловали княжеское достоинство, а зимним жаловали шубы» [17].

Даже при очень беглом ознакомлении с Бархатной Книгой родословия русских дворян кроме Юсуповых и Ростопчиных можно найти сотни фамилий, имеющих болгарско-татарское происхождение и принесших славу российскому государству. Среди них: Аракчеев, Бердяев, Бунин, Грибоедов, Державин, Достоевский, Енгаличев, Кантемир, Куприн, Милюков, Плеханов, Панаев, Рахманинов, Салтыков-Щедрин, Тургенев, Турчанинов, Тимирязев, Тенишев, Шереметьев, Чаадаев и т.д. [18]. «Линия на включение значительно-

го числа татар-мусульман в общую структуру российской государственности, – отмечает М.А. Батунский, – придавала последней гораздо больший, чем в предшествующие века, размах изменчивости... делало ее более типической, полиморфной. Отныне эволюция русского социума становилась мозаичной» [19. С. 121]. В этой эволюции можно обнаружить живую и переходящую связь золотоордынской цивилизации с собственно российской, переход части татарского исторического наследия в лоно принявшей ее русско-русской культуры.

В «татарской Московии» (так иногда именовали Московскую Русь из-за сильных позиций татарской политической элиты – мурз и биев) социальная престижность всего ордынского, в том числе прямо или косвенно связанного с исламом, имела почти повсеместный характер. Это нашло отражение, как хорошо известно из историографии, в организации военного дела, фискальной системы, ямской (транспортной) службы, делопроизводства и дипломатического протокола, некоторых поведенческих стереотипах, деталях быта и одежды, царских регалиях, а также известной практике «аманатов» – пребывания княжеских детей в Сарае при ханском дворе, их обучения ордынскому политесу, включая язык. Пример Александра Невского, проведшего несколько лет в Золотой Орде и ставшего побратимом сына Батыея – Сартака, вполне убедителен.

Литературные памятники вроде знаменитого «Хождения за три моря» тверского купца Афанасия Никитина (или, как он себя называет по-мусульмански, «хозя Юсуф Хорасани») дают основание предположить, что древнетюркский язык на Руси играл в то время куда более значительную роль, являясь фактически *lingva franca*, нежели позднее, в XVIII–XIX вв. в русском обществе занимал французский, сфера бытования которого ограничивалась только представителями сравнительно узкого круга русского дворянства.

Не стоит удивляться тому, что Иван Грозный, чингизид по материнской линии (литовской княжны Елены Васильевны Глинской), в общении со своим ближайшим родственником, касимовским царем Саином-Булатом (более известном после крещения в 1573 г. как Симеон Бекбулатович) мог не только потюркски «карашеваться» (здороваться), но и наравне с русским использовать близкий для них обоим татарский язык [20. С. 156].

За два с половиной века ордынского правления Русь не столько потеряла (на что, как правило, категорично и необоснованно делают упор некоторые современные авторы школьных и вузовских учебников по отечественной истории, ссылаясь на «катастрофические последствия» татарского ига как главной причины отставания России от Запада), сколько приобрела в плане накопления необходимого внутреннего ресурса и укрепления жизнестойкости для дальнейшего самобытного исторического развития и создания жизнеспособной модели нового многонационального государства [21]. Татарская Орда стала «повивальной бабкой» будущего российского государства с его

уникальной тюрко-славянской культурой и доминирующим влиянием восточнохристианской религиозной традиции.

Говоря о высокой культуре Московской Руси, Н.А. Бердяев особо подчеркивал, что это была «культура христианизированного татарского царства» [22. С. 72]. Подтверждением этого тезиса может служить и авторитетное мнение В.В. Бартольда, который полагал, что обретение после завоевания Казани (1552 г.) и Астрахани (1555 г.) имперского статуса Иваном Грозным – белый царь хан – связано с ордынским происхождением этого титула, а именно «татарской государственной идеей» [23. С. 430].

«Во второй половине XVI в., когда шапка казанских ханов была перенесена в Москву и стала одним из символов русской царской власти, – пишет современный историк М.Б. Плюханова, – могли быть перенесены и казанские “царские” сюжеты и символы» [24. С. 162]. В «Казанской истории» – беллетризованной исторической повести-сказании, созданной сразу после взятия Казани и рассказывающей о трехвековой истории русско-татарских отношений, прославление Москвы и Московского царства рассматриваются на фоне сочувственного отношения к казанцам и их «сарацинской вере». Регалии царственного града Казани как источника русского «царения» наследует Москва Ивана Грозного, чьи претензии на царский титул после Казанского похода получают полную и законченную легитимность [25].

История Москвы сумела сохранить богатую топонимику улиц и поселений, основанных представителями ордынской аристократии и имеющих тюркское или арабское происхождение. Прежде всего это касается бывшей Татарской слободы, расположенной в Замоскворечье, память о которой хранят два Татарских переулка – Большой и Малый, а также две Татарские улицы – Большая и просто Татарская. Рядом с ними (в непосредственной близости от станций метро «Третьяковская» и «Новокузнецкая») расположены три Толмачевских переулка – Большой, Малый и Старый, где жили толмачи – устные переводчики с тюркских и других восточных языков. Большой Толмачевский переулок соединяется с Большой Ордынкой – улицей, возникшей в XIV в. на дороге, уходящей на юго-восток, на Нижнюю Волгу, в Золотую Орду, к ее столице – Сараю. В Замоскворечье можно найти и следы Крымского подворья, просуществовавшего около трех с половиной столетий (1443–1783) – Крымский вал, Крымский мост, Крымская набережная, Крымская площадь, Крымский тупик и т. д.

Недалеко от Крымского подворья на Конной площади (вблизи от станции метро «Шаболовская») сохранился Конный переулок – в годы княжения Василия III (1505–1533) центр ногайской конеторговли – «ордобазарцев». Еще одним местом, упоминание о котором есть в духовной грамоте Ивана Калиты, является район Теплого Стана, где жили «ордынцы», обслуживавшие при въезде в Москву послов Золотой Орды. Район Новогиреево (на рубеже XIX–XX вв. эту дачную местность называли Новым Гиреевым) имеет прямое отношение к ханской династии Гиреев. По воспоминаниям знатоков москов-

ской истории, расположенные здесь пруды были некогда выкопаны пленными турками, захваченными в плен Суворовым в ходе русско-турецких войн в XVIII в.

Картина «татарской Москвы» будет неполной, если не упомянуть Балчуг (от татарского «балчык» – «глина», «грязь», «болото») – старейшую и, возможно, самую короткую московскую улицу, соединяющую с Кремлем Арбат (от арабского «предместье» или «укрепление», в XIV в. Арбатом называли всю землю от Кремля до современного Садового кольца), Таганку («таган» – треножник для котла), Новую и Старую Басманные (от слова «басма» – ханская печать, которое затем трансформировалось в «басман» – любое рельефное изображение на металле, коже, хлебе, который выпекали дворцовые хлебопеки – басманники) (2), Черкизово (от названия с. Черкизово, принадлежавшего некогда татарскому аристократу Серкизу), а также Мансуровский переулочек, Большую и Малую Черкизовские улицы, Карачаровское шоссе и проезд, Кадашевскую набережную, Татарово (нынешнее Крылатское) [26. С. 27–28].

В духовной грамоте великого князя Московского Василия Дмитриевича (1389–1425) есть упоминание о селе Крылатском, которое было завещано его княгине: «...Семцинское село и с Самсоновским лугом, со всем, как было за моей матерью, да сельцо Федоровское Свиблово на Яузе и с мельниценою, да Крилатьевское село, что было за татаром» [27. С. 161].

Еще больше примеров татаро-мусульманской топонимики можно обнаружить в Подмосковье. Практически в каждом из районов Московской области можно найти населенные пункты, название которых прямо связано с «татарским периодом» российской истории. Например, Ордынцево в Подольском районе или села и деревни, связанные с корнем «татар»: село Татаринцево в Раменском районе, село Татариново в Ступинском, деревни с аналогичными названиями в Домодедовском и Можайском районах, деревня Татарское (по другой версии – Сатино-Татарское) в Подольском. В Наро-Фоминском районе есть деревня Татарка, а в Одинцовском и Лотошинском районах – Татарки, в Шаховском – Татаренки. К этому можно добавить связанные с личными именами деревни и села: Алеево, Алымовка, Амирово, Ахматово, Бегичево, Беклемишево, Киримово, Кудаево, Мансурово, Мусино, Рахманово, Салтыково, Тимирязево, Шарапово, Юсупово и т.д. Много деревень, имеющих корень «кара» (черный): Карабузино, Каракашево, Карамышево, Карачарово, Карачуново. Крымско-татарское происхождение имеет район Новогиреево, этимологически относящееся к ханской династии Гиреев, правившей некогда Крымом [28].

Важной характеристикой религиозной жизни Улуса являлась деятельность основанной в Сарае в 1261 г. епархии Русской Православной Церкви, духовное влияние которой распространялось на территории Золотой Орды, включая бассейн Волги и Дона.

В целях усиления политической позиции Москвы – главного сателлита Золотой Орды – младший сын Александра Невского Даниил, основатель самостоятельного Московского княжества, подарил епископу Сарайскому и Подонскому урочище на Москве-реке, которое из-за крутизны обрывистого берега именовалось Крутицами. В 1460 г. сарайская епархия была переведена в Москву, на Крутицы, где просуществовала вплоть до 1764 г. Один из исследователей истории Крутицкого подворья писал: «Епископы сарайские и подонские, пользуясь почетом и доверием в орде у ханов, имели немалое значение и для князей московских, являясь их ближайшими ходатаями и заступниками, и, вероятно, немало способствовали повышению Москвы. Недаром, в свою очередь, и князья московские платили им любовью и уважением и жаловали к их крутицкому дому многие недвижимые имущества, особенно Иван II и Дмитрий Донской» [29. С. 181].

Тот факт, что Крутицкое подворье около двух веков являлось связующим звеном между Москвой и Золотой Ордой, позволило ему в дальнейшем стать одной из самых влиятельных и богатейших митрополий Русской Православной Церкви, духовная власть которой распространялась на сотни тысяч прихожан в городах и деревнях России. Сегодня в иерархии Московского Патриархата Митрополит Крутицкий и Коломенский занимает особое место, исторически являясь постоянным членом Священного Синода.

Показательной характеристикой правления ордынских ханов является запрет с 1389 г. питейных заведений на территории московской Руси. «До 1389 года всякая питейная продажа была вольная, – писал историк и москвовед И.К. Кондратьев, – но в упомянутом году ханы татарские, обладавшие Россией, продажу и употребление крепких напитков запретили, что продолжалось до времен царя Иоанна Васильевича Грозного» [30. С. 499].

При царе Алексее Михайловиче (1645–1676), который был озабочен нравственным состоянием своих подданных, была предпринята, несмотря на видимую ущербность для казны, новая попытка остановить распространение пьянства и запретить продажу горячительных напитков в праздничные и постные дни. К этой борьбе подключился (а возможно, сам ее инициировал) патриарх Никон, который высказался за запрет продавать водку монахам и священникам, успевшим пристраститься к горькому зелью. Отныне после разрушения и закрытия многочисленных питейных заведений стал действовать принцип: «один город – один кабак».

В послеордынский период ислам и связанный с ним образ жизни еще продолжительное время прямо и косвенно играли заметную роль в жизни столицы и всего Московского государства, которое после падения Византии в 1453 г. и образования Османской империи, а также Астраханского, Казанского, Сибирского и Крымского ханств, оказалось в окружении мусульманских государств. Этот фактор во многом predetermined формирование внешнепо-

литических приоритетов государства: основным направлением международной политики в это время стало восточное. В начале XIII в. устанавливаются регулярные дипломатические отношения с первым государством Востока – Крымским ханством, на рубеже XV–XVI вв. – с Османской империей, с монархиями Сефевидов в Азербайджане и Иране, с образовавшейся после распада Золотой Орды Ногайской Ордой (3).

Покорение Казани в 1552 г. открыло новую страницу в истории «татарской Москвы», а именно: появление мусульманских форм в московском зодчестве, особенно в строительстве церквей и колоколен. Вершиной этого влияния может считаться сооруженный в честь взятия Казани храм Василия Блаженного (1555–1556). Архитектурным прототипом храма стал, по утверждению историка М. Худякова, известный памятник мусульманского зодчества, существовавший до захвата Казани, – мечеть Кул-Шариф. «...Своими архитектурными формами Василий Блаженный больше всего напоминает мечеть Кул-Шариф с ее 8-ми минаретами, предание о которых записано Марджани, – писал М. Худяков. – Восемь башен Василия Блаженного, увенчанные восточными куполами, находят себе поразительное соответствие в этих 8-ми минаретах. Русское правительство отчетливо выразило идею подчинения татарского государства России, перенеся архитектуру главной мечети Казани в Москву...» [31. С. 298–299].

Согласно другим сведениям, этот храм был построен не только в память покорения Казани, но и на казанские деньги, которые были захвачены Иваном Грозным в качестве «громальной добычи» при взятии города. Таким образом, этот замечательный московский храм, являющийся сегодня одним из зримых символов древней столицы, представляет собой живой пример материального присутствия средневековой Казани в историко-архитектурном облике Кремля и в целом Москвы, напоминая известные слова о ее «полуазиатской физиономии», сказанные Н.М. Карамзиным в «Записке о московских достопамятностях» в 1817 г. [32].

Заключение. Обобщая вышесказанное, можно отметить, что сложившиеся за столетия цивилизационные характеристики России во многом объективно опираются на исторические результаты развития средневековой Москвы, величие которой согласно оценке Карамзина состоялось благодаря активной преобразовательной деятельности ханов и широкому усвоению многообразного наследия Золотой Орды. Непреходящая важность «татарского периода» в истории России напоминает о себе и сегодня, когда предпринимаются попытки зафиксировать консолидирующие россиян общественные настроения с целью сформулировать идею национальной идентичности или найти «цивилизационный код» России. Результат имевшего широкий резонанс всероссийского (телефонного, SMS, Интернет) голосования «Имя Россия. Исторический выбор 2008» на РТР нельзя назвать неожиданным. Первое место в результате опроса было отдано великому князю Александру Невскому, который в пере-

ломный момент истории Руси предпринял смелую попытку объединения русских земель при абсолютной опоре на Золотую Орду, что позволило Москве безоговорочно завладеть золотоордынским ярлыком на великое княжение.

© Асадуллин Ф.А., 2017

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Аналогичный феномен наблюдался на византийском Понте, где на рубеже XIV–XV вв., согласно персидскому историку периода Тимуридов Хафизу Абуру (ум. 1431 г.), в местном обществе существовала страта «скрытых» мусульман. См.: Шукуров Р.М. Тюрки в византийском мире в XIII–XV вв. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. М.: Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 2011. С. 11.
- (2) На Малой Басманной в первой половине XIX в. жил «басманный философ» – Петр Яковлевич Чаадаев (1794–1856), который в своих «Философических письмах» высказывал шокирующие высший свет Москвы и Николая I идеи относительно христианского учения и отмечал важность для человечества пророческой миссии Мухаммада, при этом открыто признаваясь ему в своей симпатии.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Бердяев Н.А. Русская идея // Вопросы философии, 1990. № 1, 2.
- [2] Гумилев Л.Н. От Руси к России. М., 1992. См. также: Allsen Th. *Mongol imperialism: the politics of the Grand Qan Mongke in China, Russia and the Islamic Lands, 1251–1259*. Berkley, 1987.
- [3] Карамзин Н.М. Предания веков. Сказания из «Истории государства Российского». М., 1988.
- [4] Слово о полку Игореве. М., 1968.
- [5] Кульпин Э.С. Золотая Орда. М., 1998.
- [6] Тихомиров М.Н. Древняя Москва XII–XV вв. М., 1992.
- [7] Кучкин В.А. Договорные грамоты московских князей XIV века: внешнеполитические договоры. М., 2003.
- [8] Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. М., 1960.
- [9] Известия. 23.11.2007. Интервью с Главным археологом Московского Кремля Татьяной Пановой.
- [10] Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды: Извлечения из сочинений арабских. Т. 1. СПб., 1884.
- [11] Ланда Р.Г. Россия и мир российского ислама. М., 2011.
- [12] Герб и флаг России X–XX века. М., 1997.
- [13] Карамзин Н.М. Предания веков. М., 1988.
- [14] Макарий (Булгаков). Митрополит Московский и Коломенский. История русской церкви. Кн. 3. М., 1995.

- [15] *Моисеев М.В.* Выезд «татар» и восточная политика России в XVI веке // Иноземцы в России в XV–XVII веках. Сборник материалов. М., 2006.
- [16] *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование о Касимовских царях и царевичах. СПб., 1863.
- [17] *Васькин А.* Бык, которого поедают. Про Федора Ростопчина и то, как увлечение политикой вредит литературе // НГ – EX LIBRIS. 28 июня 2012 г.
- [18] *Баскаков Н.А.* Русские фамилии тюркского происхождения. М., 1979; *Шамаро А.* Татарский пласт в русской культуре // Ислам минбаре, 1995. № 3–4.
- [19] *Батунский М.А.* Россия и Ислам. Т. I. Прогресс – Традиция. М., 2003.
- [20] *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. VII–IX. М., 1998.
- [21] См.: *Беляков А.В.* Чингизиды в России XV–XVII веков. Просопографическое исследование. Рязань, 2011.
- [22] *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.
- [23] *Бартольд В.В.* Турция, ислам и христианство // Соч. Т. IV. М., 1966.
- [24] *Плюханова М.Б.* Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995.
- [25] Казанская история / Подг. текста, вступ. слово и примечания Г. Н. Моисеевой. М.–Л., 1954.
- [26] *Мурзаев Э.М.* Тюркские географические названия. М., 1996.
- [27] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей в XIV–XVI вв. М., 1950. Цит. по: Смолицкая Г. П., Горбаневский М.В. Топонимия Москвы. М, 1982.
- [28] *Поспелов Е.М.* Топонимический словарь Московской области. М., 2000.
- [29] *Мелентьев Ю.С.* О «золотом кольце» и связи времен. М., 1990.
- [30] *Кондратьев И.К.* Седая старина Москвы. М., 2002.
- [31] *Худяков М.* Очерки по истории Казанского ханства. М., 1991.
- [32] *Карамзин Н.М.* Записка о московских достопамятностях. М., 1820.

REFERENCES

- [1] Berdyayev N.A. The Russian idea // Questions of philosophy, 1990. No. 1, 2. [In Russ.]
- [2] Gumilev L.N. From Rus' to Russia. M., 1992. [In Russ.] See also: Allsen Th. Mongol imperialism: the politics of the Grand all qan Mongke in China, Russia and the Islamic Lands, 1251–1259. Berkley, 1987.
- [3] Karamzin N.M. Traditions of centuries. Tales from the «History of the Russian state». M., 1988. [In Russ.]
- [4] Lay. M., 1968. [In Russ.]
- [5] Kulpin E.S. The Golden Horde. M., 1998. [In Russ.]
- [6] Tikhomirov M.N. Ancient Moscow in XII–XV centuries M, 1992. [In Russ.]
- [7] Kuchkin V.A. Negotiated letters of the Moscow princes of the XIVth century: foreign policy instruments. M., 2003. [In Russ.]
- [8] Cherepnin L.V. Formation of the Russian centralized state in XIV–XV centuries. M., 1960. [In Russ.]
- [9] Izvestiye. 23.11.2007. Interview with the Chief archaeologist of Moscow Kremlin Tatiana Panova. [In Russ.]
- [10] Tizengauzen V.G. Collection of materials relating to the history of the Golden Horde: extracts from the writings of Arab. Vol. 1. SPb., 1884. [In Russ.]
- [11] Landa R.G. Russia and the world of Russian Islam. M., 2011. [In Russ.]
- [12] State emblem and the flag of Russia Xxx century. M., 1997. [In Russ.]

- [13] Karamzin N.M. Traditions of centuries. M., 1988. [In Russ.]
- [14] Macarius (Bulgakov). Metropolitan of Moscow and Kolomna. The history of the Russian Church. KN. 3. M., 1995. [In Russ.]
- [15] Moiseev M.V. Leave of the «Tatars» and the Eastern policy of Russia in the XVI century // Foreigners in Russia in XV-XVII centuries. The collection of materials. M., 2006. [In Russ.]
- [16] Velyaminov-Zernov V.V. Investigation of Kasimov kings and princes. SPb., 1863. [In Russ.]
- [17] Vaskin A. Bull, who is eaten. About Fyodor Rostopchin and how the passion for politics is hurting literature // *Nezavisimaya Gazeta – EX LIBRIS*. June 28, 2012. [In Russ.]
- [18] Baskakov N.A. Russian names of Turkic origin. M., 1979; Shamar A. Tatar stratum of Russian culture // *Islam Minbar*, 1995. No. 3–4. [In Russ.]
- [19] Betonski M.A. Russia and Islam. T. I. Progress – Tradition. M., 2003. [In Russ.]
- [20] Karamzin N.M. History of the Russian state. T. VII–IX. M., 1998. [In Russ.]
- [21] See: Belyakov A.V. Genghis Khan in Russia XV–XVII centuries. Prosopographic research. Ryazan, 2011. [In Russ.]
- [22] Berdyaev N. The origins and meaning of Russian communism. M., 1990. [In Russ.]
- [23] Bartold V.V. Turkey, Islam, and Christianity. Vol. IV. M., 1966. [In Russ.]
- [24] Plyukhanova B.M. Stories and symbols of Muscovy. SPb., 1995. [In Russ.]
- [25] Kazan history / Prep. text, introd. word and notes G.N. Moiseeva. M.–L., 1954. [In Russ.]
- [26] Murzaev E.M. Turkic geographical names. M., 1996. [In Russ.]
- [27] Spiritual and contractual charters of the great and local princes in the XIV–XVI centuries. M., 1950. [In Russ.] Cit. by: Smolica G.P., Gorbanevsky M.V. Toponymy of Moscow. M, 1982.
- [28] Pospelov E.M. Toponymic dictionary of the Moscow region. M., 2000. [In Russ.]
- [29] Melentiev Y.S. About the «Golden ring» and connection times. M., 1990. [In Russ.]
- [30] Kondrat'ev I.K. Gray old Moscow. M., 2002. [In Russ.]
- [31] Khudyakov M. Essays on the history of the Kazan khanate. M., 1991. [In Russ.]
- [32] Karamzin N.M. Note on Moscow memorable objects. M., 1820. [In Russ.]

“TATAR MUSCOVY”: THE CULTURAL AND POLITICAL ASPECT

F. Asadullin

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
Rozhdestvenka St., 12, Moscow, Russia, 107031

The article examines the influence of the Golden Horde on various aspects of the life of Russian principalities. The author draws attention to the fact that one of the main principles of the construction of the Moscow state has become ethnic and religious tolerance. Khan Uzbek has a special role in promoting the rise of Moscow as the church capital of the emerging Russian state, which marked the beginning of the history of the Moscow Patriarchate. The khan's label issued to Metropolitan Theognost in 1326 served as an impetus for the establishment in Moscow of an Orthodox spiritual tradition and the centuries-old activity of the high priests of the Russian Orthodox Church.

After the Troubles in the Golden Horde in the middle of the fourteenth century, the intensity of the Ordyn migration to Moscow intensified. Among the Tatar aristocracy a special social stratum of serving Tatars was formed, which through the rite of baptism and gradually assimilated with the Russian ethnos merged with the Moscow population. The strong influence of the Horde principle is found in the organization of military affairs, the fiscal system, Yamsk (transport) service, production and diplomatic protocol, certain behavioral stereotypes, details of everyday life and clothing, royal regalia. In addition, the article points to the wealth of the Moscow toponymy, which has a Turkic or Arabic origin.

In the post-Ordin period, Islam and the lifestyle associated with it for a long time directly and indirectly played a significant role in the life of the capital and the entire Moscow state, which, after the fall of Byzantium in 1453 and the formation of the Ottoman Empire, was surrounded by Muslim states. This factor largely predetermined the formation of foreign policy priorities of the state.

Key words: Muslim community of Moscow, Muslim literature, Tartar community, Golden Horde

Об авторе:

Асадуллин Фарид Абдулович – ведущий научный сотрудник Института Востоковедения РАН, заместитель Председателя Духовного управления мусульман Европейской части России (Московского муфтията)

E-mail: a.farid@inbox.ru